

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

«Как веруешь?»

По поводу толков о сектантстве

Г. Е. Распутина-Нового

Письмо в редакцию¹

За последнее время ко мне все чаще и чаще обращаются многие лица различных общественных сбоев, желая, чтобы я выказал мое мнение по поводу одного вопроса, очевидно многих весьма волнующего. Меня спрашивают: сектант или не сектант Григорий Ефимович Распутин-Новый?

Ранее, имея о нем сведения только из печати, я не считал возможным высказаться, так как изучив, думаю, почти исчерпывающе эти источники, прежде всего обнаружил в них много разногласий и противоречий. Кроме того, почти вся полемика, направленная против Распутина в духовных, лучше сказать в миссионерских орденах печати и брошюрах, до последней Новоселовской включительно, преследует свои определенные цели. Так что весь этот газетный и брошюрный материал, — за самыми малыми исключениями, — не только не выясняет, а лишь, к сожалению, затемняет тот вопрос, на который мне настойчиво предлагали ответить. И я не счел бы возможным на него отвечать и теперь, если бы мои материалы неполнились личными наблюдениями во время продолжительных собеседований.

Познакомившись с Г. Е. Распутиным-Новым, проведя с ним много времени в семи обстоятельных беседах, я считаю себя теперь по совести обязанным печатно высказать свое мнение, тем более, что тот же самый вопрос: сектант он или не сектант, — звучит, хотя бы косвенно, как

¹ Печатается по: Современник. 1912. № 3. С. 356–358.

в запросе Государственной Думы, так и в некоторых речах депутатов при обсуждении см.[еты] Св. Синода.

Строго ограничивая себя исключительно рамками поставленного вопроса, я заявляю: Григорий Ефимович Распутин-Новый принадлежит к типу православного крестьянина, глухой, деревенской России и решительно не имеет ничего общего ни с каким сектантством. Зная догматическую сторону православного учета в несколько больших размерах, чем обыкновенно приходится встречать среди крестьян, зная Библию и Евангелие в значительно меньших размерах, чем большинство сектантов, Григорий Ефимович принимает все таинства, обряды и догматы Православной церкви именно так, как они понимаются православными, безо всяких, каких бы то ни было, малейших толкований или критики. Он считает для себя большим грехом, нехорошим делом даже просто рассуждать об этом, так как, сказал он мне, «не дело мирянина говорить о том, что установлено самим Господом».

Решительно не представляя того, что Библию можно понимать не только буквально, но и духовно, — как ее понимают и толкуют все многочисленные сектантские разветвления «духовных христиан», — тем самым явно и неволью отмежевываете он себя от этих последних.

Любит посещать Православные церкви, он находит душевное удовлетворение особенно там, где служение совершается просто, но благоговейно.

Иконы не только почитает, но считает их неотъемлемой принадлежностью каждого благочестивого православного дома. «Они всегда напоминают нам о святости жизни подвижников церкви, — сказал он мне, — а нам, находящимся во грехах, необходимо вечно иметь перед собою такую замету».

Что касается клички «хлыст», нередко применяемой теперь к Распутину, то пора понять и усвоить всем, что ведь это не что иное, как давнишний пароль для преследования кого угодно, будь то крестьяне или писатели-беллетристы, кто пришелся не по вкусу миссионерам или иным епископами Православной церкви. Пора бы, наконец, знать твердо, раз и навсегда, что такой секты не существует, что ни одна религиозная община в мире не называет себя так, — а есть только бранное мерзкое слово, придуманное ретивыми гонителями религиозного разномыслия в России, слово, которое, не стесняясь, безнаказанно и безответственно, кидают в лицо тем, особенно из народной, крестьянской среды, кого хотят обидеть, оскорбить, унижить, кого хотят во что бы то ни стало преследовать

и вопреки всем законам, указам и манифестам о свободе совести, просто физически уничтожить, извести. И таких людей, стонущих под этим ужасным ярмом, находящихся под этой непрерывной пыткой миссионеров, у нас в России многие сотни тысяч, по преимуществу крестьян, природной, кондовой Руси. Давно пора понять, что как всякая политическая партия имеет свою программу, так и каждая церковь, каждая религиозная организация, каждая сектантская община всегда имеют свое исповедание веры, которое — и только оно одно — должно бы приниматься за основание при причислении группе населения или отдельных лиц к тому или иному вероисповеданию, к секте или религии. Вот уже почти сто лет бьются представители стороны, заинтересованной в преследованиях сектантов — миссионеры православной церкви, — написать, составить, измыслить «исповедание веры» «хлыстов» и сделать этого не могут, по той весьма простой причине, что ведь нельзя же, в самом деле, заставить говорить тех, кого нет! Мы думаем, что бранное слово «хлыст» должно, наконец, также исчезнуть из словаря ратоборцев за православие, тем более из законодательных актов, как после 1905 г. исчезло слово «раскольник», признанное за оскорбительное для старообрядцев. Слово «хлыст» столь же оскорбительно для сектантов.

Итак, на вопрос, сектант или не сектант Г. Е. Распутин-Новый, — я, основываясь на большом личном опыте в наблюдениях над сектантами, основываясь на обстоятельном знании их образа мыслей, приемов мышления, изложения веры, рассуждений, бесед и очень многих почти неуловимых признаков, основываясь на обстоятельном изучении всего до сих пор о нем написанного, до последней Новоселовской брошюры включительно, основываясь, наконец, на длительных личных беседах с ним, веденных в присутствии других и наедине, в которых я преследовал определенную цель точного и всестороннего выяснения исповедания его веры, — считаю своим долгом открыто заявить, что Г. Е. Распутин-Новый совершенно определившийся православный, — а не сектант*.

Петербург

* Редакция дает место письму В. Д. Бонч-Бруевича, известного специалиста по сектантству, ввиду того, что в нем автор поднимает голос в защиту сектантства, которому в настоящее время, по-видимому, грозит пережить новую травлю со стороны темных сил нашего общества, пользующихся всяким случаем нанести удар свободе совести.